

Валери Террети

**ЗАБЫТЫЕ
ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМ**

Каждая судьба достойна романа

Бестселлер №1 во Франции

Валери Перрен

Забытые по воскресеньям

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

Перрен В.

Забытые по воскресеньям / В. Перрен — «Эксмо»,
2015 — (Бестселлер №1 во Франции)

ISBN 978-5-04-247531-3

Воскресенье – день посещений. Не для всех. Воскресенье – сложный день. Каждое воскресенье старики точно знают, какой день недели наступил. Жюстин Неж двадцать один. Она живет с бабушкой, дедушкой и братом Жюлем. Жюстин работает в доме престарелых «Гортензии» и больше всего на свете любит разговаривать с его обитателями. Ее любимица – Элен, ей за девяносто, и ее воспоминания заслуживают отдельного романа. Несмотря на разницу в возрасте, женщины откровенно делятся друг с другом историями из жизни. Рассказы о сложной судьбе Элен побуждают Жюстин встретиться лицом к лицу с тайнами своего прошлого и пережить потерю, которую Жюстин прячет глубоко внутри. Каждый день в «Гортензиях» похож на предыдущий, но неожиданный анонимный звонок в дом престарелых меняет жизнь самой Жюстин навсегда.

УДК 821.133.1-31

ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-04-247531-3

© Перрен В., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Об авторе	6
Забытые по воскресеньям	8
Глава 1	8
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	12
Глава 5	13
Глава 6	15
Глава 7	16
Глава 8	18
Глава 9	19
Глава 10	21
Глава 11	24
Глава 12	25
Глава 13	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Валери Перрен

Забытые по воскресеньям

Valérie Perrin

Les oubliés du Dimanche

© Éditions Albin Michel – Paris 2015

Фото автора © Valentin Lauvergne

© aksol, Elala / Shutterstock.com и фотография:

© Marcin-linfernium / Shutterstock.com

© Клокова Е., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. Издательство «Эксмо», 2025

Об авторе

Валери Перрен – одна из главных французских писательниц современности. Ее книги надежно занимают первые строчки бестселлеров Франции. Она – литературный феномен нашего времени.

Первый роман Перрен «Забытые по воскресеньям» стал международным бестселлером, получил 13 литературных наград и вот уже 8 лет держится в списке главных книг Франции.

Это очень чуткий психологический роман о связи поколений, с отсылками к национальным литературным шедеврам и кинематографу.

Забывшие по воскресеньям

Валентину, Тесс, Эмме и Габриэль

*Быть старым – значит оставаться молодым дольше других.
Филипп Гелюк¹*

Глава 1

Я купила у папаши Проста тетрадь в синей обложке. Не стану набирать роман об Элен на компьютере – хочу носить ее историю в кармане халата.

Я вернулась домой. Написала название «Дама с пляжа» и начала так:

Элен Эль – дважды рожденная. Первый раз она появилась на свет 20 апреля 1917 года в Клермене, что в Бургундии, а второй – в конце мая 1933-го, когда встретила Люсьена Перрена.

Я засунула тетрадь под матрас, как часто делают героини черно-белых картин, которые показывают по телевизору воскресными вечерами в программе «Полуночное кино». Дедуля их обожает.

А потом вернулась на работу, потому что в этот день была моя смена.

¹ Филипп Гелюк (род. в 1954) – бельгийский комик, юморист, телевизионный сценарист и карикатурист. (Здесь и далее прим. перев.)

Глава 2

Мое имя Жюстин Неж². Мне двадцать один год. Я уже три года работаю сиделкой в доме престарелых «Гортензии». Привычнее для подобных заведений названия вроде «Липы» или «Каштаны», но мое построили, выкорчевав заросли гортензий, вот никто и не стал заморачиваться, хотя здание стоит на опушке леса.

В этой жизни моему сердцу милы две вещи – музыка и третий возраст³. Каждую третью субботу я хожу на танцы в клуб «Парадиз» в тридцати километрах от «Гортензий». Это бетонный куб посреди луга, окруженный стихийной стоянкой. Иногда я, будучи под хмельком, часов в пять утра, целуюсь там вчасос с представителями противоположного пола.

А еще я, конечно же, люблю моего брата Жюля (вообще-то мы кузены) и бабушку с дедушкой, родителей моего покойного отца. Я выросла с людьми третьего возраста и в детстве не общалась ни с кем, кроме Жюля, перескочив словно через ступеньку этап общения с ровесниками.

Моя жизнь делится на три части: днем я ухаживаю за постояльцами, ночью читаю вслух старикам, а вечером по субботам танцую, чтобы заново приручить беззаботность, утраченную в 1996-м из-за представителей второго возраста – это родители, мои и Жюля. Им в голову пришла идиотская идея насмерть разбиться на машине воскресным утром. Я прочла заметку, которую бабуля вырезала из газеты и прячет среди своих вещей. Была там и фотография изуродованной машины.

Из-за наших родителей мы с Жюлем каждое воскресенье проводили на городском кладбище, клали свежие цветы на широкую могильную плиту с двумя ангелочками и фотографиями новобрачных: отца рядом с брюнеткой и дяди с блондинкой. Наши с Жюлем отцы похожи как две капли воды – у них одинаковые костюмы, галстуки и даже улыбки. Отец и дядя были близнецами, и мне непонятно, как они могли влюбиться в совершенно не похожих друг на друга девушек, а те втюрились в фактически одного и того же парня. Эти вопросы я неизменно задаю себе, входя в ворота кладбища. На них некому ответить. Думаю, я утратила беспечность именно потому, что не знаю ответов о Кристиане, Сандрин, Алене и Аннет Нежах.

На кладбище давно умершие мертвецы похоронены в земле, в то время как новые заперты в небольшие ниши и стоят в отдалении, будто опоздавшие. Моя семья лежит в пятистах метрах от дома бабушки с дедушкой.

Наша деревня называется Милли, в ней около четырехсот жителей. Решите отыскать ее на карте – вооружитесь лупой. Торговая улица носит имя Жана Жореса. В центре – площадь с церковью в романском стиле. У нас есть бакалея папаши Проста, тотализатор и гараж, был и салон красоты, но в прошлом году закрылся. Парикмахеру надоело красить волосы и делать укладки. Магазин одежды и цветочный уступили место банкам и лаборатории, где берут анализы. Некоторые витрины заклеили газетами, в других живут люди, отгородившиеся от мира белыми шторками. Занавески вместо штанов...

Табличек «Продается» в Милли ровно столько же, сколько домов, но никто ничего не покупает, ведь до ближайшего шоссе семьдесят километров, а до ближайшего вокзала – пятьдесят.

Еще в Милли есть начальная школа, где учились мы с Жюлем.

До коллежа, лицея, кабинета доктора, аптеки, обувного магазина нужно ехать автобусом.

² В переводе с французского «Неж» означает «снег» (neige).

³ Под третьим возрастом понимается период с выхода на пенсию и до потери дееспособности, во время которого происходит полное самоосуществление личности.

После бегства парикмахера я сама делаю бабуле укладку. Она мочит волосы, садится в кухне на табурет и подает мне бигудюшки, а я накручиваю седые пряди на трубочки и прижимаю пластиковым зажимом, после чего надеваю на голову сеточку. Под колпаком сушки бабуля через пять минут задремывает. Потом я снимаю бигуди, и прическа держится целую неделю.

Не помню, чтобы после гибели родителей я когда-нибудь замерзала. В наших краях температура не опускается ниже 40°. А что было до аварии, я не помню. Но об этом потом.

В детстве мы с братом ходили в немодной, но удобной одежде, которую бабуля стирала с кондиционером. Нас не пороли, не отвешивали затрепанных, а в подвале разрешили поставить микшерный пульт и слушать виниловые пластинки, чтобы отвлечься от шарканья войлочных подметок по натертому паркету.

Я мечтала поздно ложиться спать, не чистить ногти, гулять по пустырям, разбивая колени и локти, мчаться с холма на велосипеде с закрытыми глазами, болеть и писаться в кровать, но... бабушка ничего подобного не допускала. Она всегда была тут как тут с пузырьком йода наготове.

Все детские годы она чистила нам уши ватными палочками, дважды в день купала, растирая жесткой рукавичкой, и запрещала все, что, по ее мнению, представляло хоть малейшую опасность, например переходить дорогу без взрослых. А еще со дня смерти сыновей ждала, когда я или Жюль станем похожи на наших отцов. Не дождалась. Жюль – копия Аннет, а в моем лице нет сходства ни с одним членом семьи.

Бабуля и дедуля по возрасту моложе большинства обитателей «Гортензий». Я не знаю, с какого момента человек становится старым. Моя начальница мадам Ле Камю считает, что это происходит, когда ты больше не можешь сам наводить порядок в доме. Когда машина остается в гараже, потому что, сев за руль, ты либо калечишь окружающих, либо ломаешь шейку бедра. Я не согласна. Старость начинается с одиночества. Когда уходит твой спутник. На небеса или к другому человеку.

Моя коллега Жо полагает, что любой, кто начинает заговариваться и нести всякий вздор, попадает в категорию «Старики». Впрочем, эта ужасная болезнь поражает и молодые мозги. Другая моя коллега, Мария, как-то заявила, что старость наступает, когда ты начинаешь хуже слышать и десять раз на дню ищешь ключи от дома.

Мне двадцать один, и с ключами у меня напряженные отношения.

Глава 3

1924

Элен до поздней ночи работает при свечах в швейной мастерской родителей.

Она растет среди костюмов и платьев. У нее нет ни сестры, ни брата.

Она любит показывать театр теней на стене, всегда одни и те же фигуры. Соединяет ладони, сгибает указательный палец, и получается птица, которая ест у нее с ладони. Птица похожа на чайку. Если она решает улететь, девочка сводит вместе большие пальцы, растопыривает остальные и машет «крыльями», но, прежде чем отпустить ее, шепчет просьбу – всегда одну и ту же, – чтобы чайка унесла ее слова на небо и передала эти слова Богу.

Глава 4

- Бабуля...
- Ммм?
- Куда ехали папа с мамой тем утром, когда погибли?
- На крестины.
- Чьи?
- Сына друга детства твоего отца.
- Бабуля.
- Что?
- Почему случилась авария?
- Я тебе сто раз говорила. Был гололед. Их занесло. Потом. они врезались в дерево. Если бы не это дерево. они бы никогда. все, хватит!
- Почему?
- Почему – что?
- Почему ты никогда не хочешь об этом говорить?

Глава 5

Я полюбила стариков, когда учительница французского мадам Пти повела наш пятый класс в «Три ели» («Гортензии» в Милли построили позже). После уроков нас накормили в школьном буфете, мы сели в автобус и поехали. Дорога заняла около часа, и меня два раза стошнило в бумажный пакет.

Постояльцы «Трех елей» ждали нас в столовой. Пахло супом и лекарствами. Дурнота снова подступила к горлу, а когда нам велели поздороваться со стариками, я перестала дышать носом. В довершение всех бед их щеки кололись.

Мой класс подготовил выступление – мы должны были исполнить песню группы ABBA *Gimme! Gimme! Gimme!*⁴ в костюмах из белой лайкры и париках, одолженных в театральном кружке коллеги.

Потом мы все вместе ели блины. Каждый обитатель дома сжимал в заледеневшем кулаке бумажный носовой платочек. Для меня все началось, когда я слушала их истории. Старикам нечем себя занять, поэтому они лучше всех описывают прошлое. Ни книги, ни фильмы с ними не сравнятся.

В тот день я поняла: достаточно коснуться старого человека, взять его за руку – и он начинает рассказывать. С такой же легкостью вода заполняет ямку, вырытую в песке на морском берегу. У меня есть в «Гортензиях» любимая история по имени Элен. Так зовут даму, живущую в девятнадцатом номере. Только она устраивает мне настоящие передышки, что для сиделки нашего гериатрического заведения является настоящей роскошью.

Персонал окрестил Элен «дамой с пляжа».

Когда я поступила на работу в «Гортензии», мне сразу объяснили: «Все дни она проводит на пляже, под зонтиком...» – а после ее появления в доме на крыше поселилась чайка.

В нашей местности чайки не водятся. В Центральной Франции полно дроздов, воробьев, скворцов и ворон, но чаек нет. Кроме той, что живет у нас над головами.

Только Элен я называю по имени.

Каждый день, после утреннего туалета, ее усаживают в кресло, стоящее перед окном, и уверяю вас, она видит не крыши Милли, а что-то сказочно прекрасное вроде небесно-голубой улыбки, хотя глаза у нее в точности такие, как у всех остальных постояльцев, – цвета застиранной простыни. И все-таки, если на меня нападает хандра, я прошу жизнь подарить мне зонт вроде того, который есть у Элен. Этот зонт – ее муж по имени Люсьен. Вернее будет сказать – почти муж, поскольку официально он так никогда на ней и не женился. Элен пересказала мне всю свою жизнь. Всю – но частями, как пазл, словно подарила самую прекрасную вазу или статуэтку из своего дома, предварительно разбив на тысячу осколков. Случайно.

Уже несколько месяцев Элен говорит все меньше, будто песня ее жизни заканчивается и звучит все тише.

Каждый раз, выходя из комнаты, я накрываю ноги Элен пледом, и она говорит: «У меня будет тепловой удар». Элен не бывает холодно, она даже зимой позволяет себе роскошь нежиться на солнце, пока мы греем задницы на дряхлых приютских радиаторах.

Насколько мне известно, у Элен есть только дочь, других родственников нет. Роза – художница и рисовальщица. Она сделала много портретов родственников углем, пишет моря, порты, сады и букеты цветов. Все стены комнаты Элен завешаны ее работами. Роза живет в Париже. Каждый четверг она приезжает поездом, берет напрокат машину и отправляется в

⁴ Один из наиболее значимых диско-хитов шведской группы ABBA выпущен в 1979 году. Название дословно переводится как «Дай мне, дай мне, дай мне! (Мужчину после полуночи)».

Милли. При каждой встрече повторяется один и тот же ритуал. Элен смотрит на дочь издали, оттуда, где сейчас живет.

– Кто вы?

– Это я, мама.

– Не понимаю, мадам.

– Это я, Роза.

– Нет... моей дочке семь лет, они с отцом пошли купаться.

– Вот как. купаться.

– Да, с ее отцом.

– А когда они вернутся?

– Скоро. Сейчас. Я их жду.

Потом Роза открывает книгу и читает матери отрывки какого-нибудь романа. Чаще всего она выбирает любовные. Закончив, Роза оставляет книжки мне, это ее способ выразить мне благодарность. За то, что забочусь о ее матери, как о своей.

Самая безумная глава моей жизни началась в прошлый четверг, около трех часов дня. Я толкнула дверь комнаты № 19 и увидела его возле кресла Элен. С портретов, написанных Розой, на нас смотрит Люсьен. А сейчас он сидит рядом с Элен. Я смотрю на них, разинув рот, как полная дура, и не смею шевельнуться: Люсьен держит Элен за руку. Я ни разу не видела у нее такого выражения лица, кажется, что она открыла нечто невероятное. Он улыбнулся. И сказал:

– Здравствуйте, вы Жюстин?

Я подумала: «Надо же, Люсьен знает, как меня зовут. А что, это нормально. Призракам известны все имена живых и много такого, о чем мы понятия не имеем. Теперь я сообразила, почему Элен ждала его на пляже и остановила время!»

Ясно, что встретить такого мужчину – все равно что выиграть миллион по трамвайному билету.

Его взгляд... Никогда не видела подобной сини. Даже в каталогах, по которым бабуля заказывает товары на дом.

– Вы приехали за ней?

Он не отвечает, Элен тоже молчит, но как она на него смотрит, с ума сойти! Куда только девался выцветший цвет глаз!

Я подошла, поцеловала Элен в лоб, и он показался мне горячее обычного. Мое состояние можно сравнить с небом, о котором говорят: «Дьявол выдает замуж дочь.» – у меня в душе шел дождь и светило солнце. Люсьен наконец-то вернулся на морской берег, чтобы увести любимую в рай. Я больше ни разу не видела Элен такой.

Я взяла ее за руку.

– Чайку тоже заберете? – сдавленным от волнения голосом спрашиваю я у Люсьена.

Он отвечает недоумевающим взглядом. Он не понимает, о чем я говорю. Этот человек – не призрак.

Никогда за всю жизнь мне не было так страшно, как в то мгновение. Он был живой, настоящий. Я резко повернулась и сбежала из комнаты № 19, как воровка, застигнутая на месте преступления.

Глава 6

Люсьен Перрен родился 25 ноября 1911 года в Милли.

В его семье наследственная слепота передавалась от отца к сыну и поражала только мужчин. Они начинали слепнуть уже в раннем детстве. Ни один Перрен не увидел огоньков двадцати свечей на именинном торте.

Отец Люсьена, Этьен Перрен, встретил свою жену Эмму, когда она была маленькой девочкой. Он узнал ее, когда был зрячим, но постепенно Эмма исчезала из поля его зрения, ее лицо словно бы запотевало, как стекло. Этьен любил жену по памяти.

Он испробовал все средства и способы, чтобы спасти глаза: закапывал разные эликсиры, целебную воду из источников Франции и других стран, сыпал волшебные порошки, лил розовую и васильковую воду, крапивный и ромашковый отвары, спитой чай и воду всех «мастей»: святую и соленую, ледяную и горячую.

Рождение Люсьена было случайностью.

Его отец не хотел детей – не желал длить семейное проклятие. Узнав, что на свет появилась не девочка, а мальчик, которому суждено вскоре ослепнуть, он впал в совершеннейшее отчаяние.

Эмма рассказала мужу, что у мальчика черные волосы и большие голубые глаза.

Ни у кого в семье Перрен не было голубых глаз – все рождались с черными, да такими, что цвет радужки был неразличим. С годами они светлели и становились сероватыми, как крупная соль.

У Этьена появилась надежда: возможно, голубые глаза защитят Люсьена от неизбежности. Этьен был органистом и настройщиком, как отец, дед и прадед, его приглашали играть Баха на церковных службах и настраивать органы в местных церквях.

В будни Этьен обучал желающих азбуке Брайля. Книги для него делал двоюродный брат, тоже незрячий, в маленькой мастерской в V округе Парижа.

Однажды утром 1923 года Эмма ушла от Этьена. Он не услышал, как она бесшумно закрыла за собой дверь, потому что был занят с учеником, не слышал он и голоса мужчины, который ждал Эмму на противоположной стороне улицы. А вот Люсьен видел, как уходила мать.

Он не попытался задержать ее, подумав, что она скоро вернется. Покатается на красивой машине незнакомца и вернется, ничего ведь страшного в этом нет? Отец никогда не сможет доставить жене такое удовольствие, а она имеет право немножко развлечься.

Глава 7

Раньше бабуля была склонна к самоубийству.

Месяц, иногда дольше, она вела себя нормально, а потом вдруг глотала три упаковки таблеток, совала голову в духовку, выбрасывалась из окна второго этажа или пыталась повеситься в сарае. Говорила нам: «Спокойной ночи, детки!» – а два часа спустя мы с Жюлем слышали из нашей комнаты, как в дом врываются медики или пожарные.

Свести счеты с жизнью бабуля пыталась по ночам, будто ждала, пока домашние заснут, чтобы положить всему конец. При этом она с завидным постоянством забывала, что сон дедуля теряет так же часто, как свои очки.

Последний раз это случилось семь лет назад. Вышедший на замену врач не удосужился прочесть запись, сделанную красным фломастером на медкарте пациентки: «Хроническая депрессия, склонна к суициду!» – и выписал ей две упаковки транквилизаторов. Все аптекари в наших местах знают, что лекарства по рецепту бабуле можно отпускать, только если ее сопровождает дедуля.

Папаша Прост ни за что не продаст ей крысиную отраву, средство для прочистки труб или для борьбы с ржавчиной. Бабуля делает уборку и все чистит уксусом, но вовсе не потому, что заботится об экологии, просто все боятся, что она глотнет жидкости для мытья посуды или средства для обезжиривания плиты.

В последний раз она почти преуспела, но слезы Жюля (я была слишком потрясена и даже плакать не могла) заставили ее пообещать, что следующей попытки не будет. И все-таки в аптечном шкафчике в ванной нет ни бритвенных лезвий, ни средств на спирту крепостью 90°.

Она несколько раз ходила к психиатру. Но так как ближайший мозгоправ принимает в 50 километрах от Милли, а на то, чтобы записаться, уходят месяцы, она говорит, что будет легче увидеться и побеседовать с ним на Небесах, когда она умрет! А до тех пор она клянется, что больше не будет и пытаться наложить на себя руки: «Это мое обещание, мои маленькие, клянусь, я умру естественной смертью, если такая существует». Она никогда ничего не обещает дедуле, а только нам с Жюлем, своим внукам.

В десятую годовщину смерти моих родителей она спрыгнула с чуть большей высоты, чем обычно, и повредила бедро, поэтому теперь слегка прихрамывает и ходит с тростью, которая всегда висит у нее на запястье.

Я только что сделала ей укладку. Жюль рядом, на кухне, он ест «Нутеллу», зачерпывает из банки и намазывает на багет. Дедуля сидит в торце стола и листает «Пари Матч». В столовой, перед пустым диваном, орет телевизор, звук такой громкий, что разобрать слова невозможно.

– Дедуля, ты был знаком с Элен Эль? – спрашиваю я.

– С кем?

– С Элен Эль. Она была хозяйкой кафе папаши Луи до 1978 года.

Мой печальный молчаливый дед закрывает журнал, прищелкивает языком и произносит с местным говором:

– Я никогда не бывал в бистро.

– Но каждый день проходил мимо по дороге на завод.

Дедуля ворчит что-то нечленораздельное. Если после смерти близнецов бабуля, периодически пытаюсь свести счеты с жизнью, все же надеялась когда-нибудь разглядеть черты своих мальчиков во мне и Жюле, то дед в тот день, когда погибли его сыновья, перестал ждать чего бы то ни было вообще. Я ни разу не видела улыбки на его лице, хотя на детских фотографиях моего отца и дяди Алена дед одет в яркие футболки и, судя по выражению лица, отпускает глупые шуточки. Теперь он совершенно облысел, а в те времена, когда они втроем забирались на самый высокий холм у Милли, у него была роскошная шевелюра. Мой любимый снимок

помечен июлем 1974 года. Деду тридцать девять, волосы жгуче-черные и очень густые, он в красной тенниске, на губах рекламная улыбка. Когда дед был папой, он был очень красивым. От него прежнего остался только рост – 193 сантиметра. Он такой высокий, что похож на трамплин для прыжков в воду.

Дед возвращается к журналу, и я спрашиваю себя, зачем ему это чтение, что там может понять человек, так отдалившийся от мира, от нас, от себя самого? Увидит ли он разницу между землетрясением в Китае и катаклизмом на собственной кухне?

– Я помню ее пса. Он напоминал волка.

Волчицу... Дедуля помнит Волчицу.

– Ты помнишь Волчицу! Значит, должен помнить и Элен!

Он встает и выходит из кухни. Ненавидит, когда я начинаю задавать вопросы. Боится своей памяти. Память – это дети, и он похоронил ее вместе с ними – в одной могиле.

Мне ужасно хочется спросить, помнит ли он чайку, жившую в поселке, когда он был мальчиком, но я заранее знаю ответ: «Чайку? Как я могу помнить чайку? Тут они не водятся.»

Глава 8

В воскресный день старая кобыла Бижу везет Люсьена и его отца в Турнюс, Макон, Отён, Сен-Венсен-де-Пре или Шалон-сюр-Сон. Пункты назначения зависят от времени года. Зимой всегда меньше похорон и свадеб.

Люсьен провожает отца к большим местным органам, заменяя белую тросточку, усаживает за клавиатуру. Делает прежнюю работу Эммы – своей матери, так и не вернувшейся с автомобильной прогулки.

Люсьен присутствует на мессах, венчаниях, крещениях и отпеваниях.

Когда Этьен играет или настраивает инструмент, сын стоит рядом и наблюдает за молящейся и поющей толпой.

Он неверующий, религия ассоциируется у него с красотой музыки, чем-то таким, что поработает людей. Он так и не решился поделиться этой мыслью с отцом и каждый вечер, не моргнув глазом, читает молитву перед ужином.

Этьен не хотел учить сына ни азбуке Брайля, ни музыке – боялся, что эти умения принесут ему несчастье, – и умолял Люсьена заняться всем, что недоступно незрячему, словно надеялся таким образом отпугнуть угрозу слепоты. Заставить ее бежать прочь от мальчика. Люсьен, ради спокойствия отца, участвует в велосипедных гонках, бегают кроссы и плавает.

В муниципальной школе он учится читать и писать – как все остальные дети, но, в отличие от отца, предугадывает, что однажды это станет для него совершенно бесполезным. Вот почему он самостоятельно, тайком, учит азбуку Брайля, когда Этьен занимается с учениками.

В тринадцать лет Люсьен сопровождает отца в Париж, где Этьен собирается купить у кузена новые книги. Но главная цель поездки – показать Люсьена офтальмологу. Врач долго изучает глазное дно мальчика и с полной уверенностью заявляет, что Люсьен не является носителем дефектного гена. Он унаследовал глаза матери. Этьен ликует. Люсьен притворяется ликующим.

Однажды настанет его черед передвигаться с белой тростью, поэтому мать и ушла. Однажды окружающие будут называть его слепым, а не сыном слепого. У него тоже появится помощник или помощница, чтобы все за него делать. Вот почему Люсьен втайне от всех учится навыкам незрячих.

После ухода матери Люсьен научился делать все на свете с закрытыми глазами. Чистить костюм, мыть пол, доставать воду из колодца, косить траву, работать в огороде, колоть дрова, доставать из погреба бутылки вина, ходить вверх и вниз по лестницам. Их с отцом дом всегда погружен в темноту. Люсьен научился задергивать шторы бесшумно, чтобы не услышал отец. Из-за недостатка света у них не выживает ни одно домашнее растение.

Привезя из Парижа чемоданы новых книг, он будет по одной незаметно таскать их у отца. Люсьен всегда верен своим привычкам.

Глава 9

– Расскажи мне историю.

– Я думала, тебе не нравятся стариковские байки.

Жюль гримасничает, делает затяжку и выпускает колечки дыма в сторону обклеенной обоями стены. Он поставил для меня трек *Subzero* Бена Клока, самого раскрученного диджея из легендарного берлинского клуба «Бергхайн». Мне часто кажется, что мой брат – инопланетянин.

Когда Жюль узнал, что меня взяли на работу в «Гортензии», он вопил как потерпевший. Впервые в жизни. В нашем доме никто никогда не повышал голоса – только телевизор.

Сильнее всего Жюля бесило, что «Гортензии» находятся в пятистах метрах от дома. Преспеть для него значило покинуть Милли. В сентябре, после сдачи бакалавриатского экзамена, он уедет в Париж, которым бредит. Только о нем и говорит.

– Открой окно! Ненавижу запах твоего табака...

Он распрямляет свои метр восемьдесят семь, встает и приоткрывает створку. Я люблю брата, хотя иногда мне кажется, что он нас стыдится. Стыдится своей семьи. Я восхищаюсь его пластикой танцора и руками пианиста. Будто он упал с неба, а дедуля просто подобрал его в саду. Будто он родом не из Милли, а из большой столицы, где его воспитывали отец-астроном и мать, преподающая филологию в университете. В Жюле столько грации, что предметы словно бы танцуют вокруг него. Он мне больше чем брат – наверное, потому, что не родной. При всем том Жюль ходит шумно, никогда ничего не кладет на место, он эгоист, лунатик, сноб и фантазер. А еще – дымит как паровоз, причем в моей комнате!

Думаю, я не расстроюсь, если не сумею завести детей, ведь у меня есть Жюль. Он недопустимо, немисливо хорош собой. Словно пытаюсь компенсировать те поцелуи, на которые поспешили бабушка и дедушка. В нашей семье целуют, едва касаясь губами щеки, когда получают подарок в день рождения или на Рождество. Ни в коем случае не просто так – и все из-за чертова сходства, *которого никогда не было*. А еще, думаю, бабуля с дедулей не могли заставить себя клонуть в щечку Аннет, мать Жюля. Бабуля не любит блондинок – даже тех, что в телевизоре, каждую достаивает презрительной гримаски, незаметной для всех, кроме меня.

Жюлю было два года, когда погибли родители. Он считает, что его отец был богаче моего, и думает, что учиться в Париже будет на деньги, лежавшие на банковском счете дяди Алена, которого числит героем. На самом деле, у того не было ни гроша, а деньги на Сорбонну начала откладывать я, поступив на работу в «Гортензии». Жюль никогда не узнает моей тайны. В месяц мне платят 1480 евро, с суточными дежурствами выходит чуть больше. Из этих денег 600 евро я кладу на счет и уже скопила 13 800 для брата. 500 евро получают от меня бабуля с дедулей, а тринадцатую зарплату я спускаю в «Парадизе».

Жюль мечтает стать архитектором. Думаю, когда он начнет строить свои замки, мы его больше не увидим. И даже если он будет приезжать сюда раз в году, то только потому, что ему этого хочется, а не ради нас. Я точно знаю, как мыслит и поступает Жюль, могу разложить по полочкам, объяснить в деталях.

Жюль ни к чему не привязывается, потому живет сегодняшним днем и плюет на вчерашний, а завтрашний пока не интересуется. Утром он отправляется в лицей, закрыв за собой дверь, забывает о нас, а когда возвращается вечером, бывает вполне рад нас видеть, хотя ни разу за день ни о ком даже не вспомнил.

Полиция так и не определила, кто из двух отцов был за рулем в тот страшный день, их не смогли отличить друг от друга. Эксперты не выяснили, что именно вышло из строя в то воскресенье. Машина у близнецов была общая, но кто кого убил, мы так и не знаем.

Жюль устраивается на моей кровати, взглядом подает привычный сигнал: «Ну, давай, рассказывай!» – и я начинаю:

– Мадам Эптинг собралась переехать в «Гортензии» в день смерти своей собачонки, решив, что больше ни на что не годна. Она сказала, что за годы жизни держала псин всех мастей. Пережила войну, лишения, ужас перед бошами⁵ и несчастную любовь, но смерть песика, которому она дала кличку Ван Гог – прежние хозяева отрезали ему ухо с клеймом, – отправила ее в нокаут.

– Мерзавцы... – Жюль закуривает.

– Ну вот, такова история дня. – говорю я.

– Все? Конец? – спрашивает он.

– Вообще-то нет. Я спросила: «Расскажите мне вашу печальную историю, мадам Эптинг?» Она расхохоталась, и ей даже пришлось придержать зубной протез пальцем, чтобы не вылетел изо рта. «Его звали Мишель.» – начала она. «Красивое имя, – ответила я, – но мне пора, я уже опаздываю». Она не поняла и спросила: «Куда?» – «На рабочее место. Утром я сильно опоздала, поэтому о Мишеле вы мне расскажете во второй половине дня!» Она кивнула и осталась в комнате № 45 наедине с воспоминаниями о былой любви и усопшей собаке. Когда я зашла вечером, кресло и кровать пустовали – у нее случился удар. Вот такая у меня повседневность. Слушать нужно сразу, ведь тишина подстерегает всех нас.

– Жуткий мрачнюк!

– Не спорю – и все-таки я почти каждый день хохочу до упада.

– Между сменой памперсов и ралли на кресле-каталке?

Я смеюсь, а Жюль умолкает. Встает и как любой уважающий себя принц не замечает, что живет один в своих владениях, высовывается в окно и щелчком отправляет окурок в сад. Я рявкаю: «Свинтус!»

⁵ Бош – презрительное прозвище немцев во Франции. Чаще всего его использовали во время конфликтов с Германией.

Глава 10

1926

Всевышний не ответил на мольбы Элен – она так и не научилась читать. Этим вечером она решила умереть.

Элен слышала разговоры о самоубийстве – год назад один житель деревни отравился таблетками. Для нее отравы – большая черная доска.

После уроков она прячется в чулане, где хранятся мел, чернила, бумага и дурацкий колпак⁶. Сердце у нее колотится, она слышит, как дети выходят из класса, как покашливает учитель мсье Трибу, как щелкают замки его портфеля, как он спускается с возвышения, как выходит и дверь закрывается. Коридоры и двор затихают.

Элен сует в карман колпак, возвращается в класс и чувствует себя странно, хотя для нее это привычно: на переменах ее часто оставляют одну – в качестве наказания или из-за недоделанного на уроке задания. Обычно она слышит крики других детей, а сейчас вокруг только тишина.

Элен смотрит на книги, сложенные аккуратной стопкой на краю большого учительского стола. Как бы она хотела вырвать из каждой все страницы, порвать их на мелкие клочки, раскидать, нарушив идеальный порядок. Увы, она никогда не осмелится.

Элен смотрит на черную доску и в отчаянной надежде старается прочесть первую фразу параграфа, которую мсье Трибу написал цветными мелками, подчеркнув некоторые слова: ОНА РАЗБИЛА МАЛЕНЬКИЙ ГОРШОЧЕК МОЛОКА.

ОНРАЗБИМАЛЕГОРМОКА.

Вот что читает Элен.

Мсье Трибу больше не пытается изменить ее восприятие букв. Вначале он произносил слова по слогам, просил по десять раз переписывать одно и то же, но у Элен все равно не получалось, как будто ее слова все время колыхал ветер.

В этом году он посадил ее одну, в глубине класса. Кто захочет делить парту с человеком, у которого даже списать нельзя? Раньше учитель на нее колпак надевал, теперь все гораздо хуже. Элен чувствует, что он ее жалеет и больше не надеется.

ОНРАЗБИМАЛЕГОРМОКА.

Глаза у Элен сухие.

Она давно перестала плакать. Она выплакала все слезы в первом классе.

Элен прижимается губами к доске, поднимается на цыпочки и начинает лизать ее, как зверек, но понимает, что фраза написана слишком высоко, и залезает на учительский стул. Она слизывает буквы всех цветов – красные, синие, зеленые – и глотает их, чтобы отравиться их ядом. Она плюет на доску.

⁶ Раньше во Франции учитель младших классов в конце дня определял худшего ученика и надевал на него колпак, название которого дословно переводится как «ослиный колпак» (от *фр.* bonnet d'âne).

Чтобы буквы легче проскальзывали в горло, трется губами о заглавные буквы, точки и запятые.

Доска чиста, рот Элен окрасился во все цвета радуги, она возвращается за свою парту у дальней стены класса. Напротив дровяной печи. Элен ждет смерти. Она сидит с прямой спиной и ждет, чтобы проглоченные слова убили ее. Навсегда. Завершив работу, начавшуюся в первый день в школе.

На Элен тогда было прелестное, как у Красной Шапочки, платье (так сказала мама, сидя за швейной машинкой), но она не знала, что Злой Волк превратится в Большую Черную Доску.

Смерть так и не приходит за девочкой. ОНРАЗБИМАЛЕГОРМОКА не имеет силы смертоносной таблетки, а Элен думала, что оно прикончит ее так же быстро, как свинью, которую соседи забивают раз в год ударом в затылок.

Она не уйдет из класса, пока не умрет.

Элен решает выпить чернила из всех чернильниц, стоящих на партах, а закончить чернильницей учителя. Тогда она уж наверняка умрет. А если не выйдет, придется проглотить швейные иголки, которые она всегда носит в кармане, чтобы сильно уколоть себя в ногу, если станет неспособна с животом.

Она встает, откидывает крышечку чернильницы с первой парты, где сидит лучшая ученица Франсин Перье. Ей все удается, и она не делает помарок. Ни одной. Учитель всегда улыбается этой девочке, ее почерк напоминает полет птицы, а голос – мелодию, когда она читает вслух, не запинаясь и правильно интонируя каждую запятую.

Элен касается губами чернильницы Франсин Перье с мыслью о еще двадцати семи и внезапно вздрагивает, испугавшись непонятного звука. Что-то ударило о стекло одного из окон. Камень? За ней наблюдают? У Элен заходится сердце. Она ставит чернильницу на место и прячется под учительский стол.

Проходит десять минут. Ни звука.

В конце концов она вылезает из укрытия и подходит к окну. Снаружи никого. Двор пуст. Со старого дуба облетают последние листья. Элен провожает взглядом полет одного из них. Он спускается на землю одновременно с наступлением ночи. Листок касается белой лужицы. Элен смотрит на нее несколько секунд и понимает, что это птица, упавшая на землю. Она еще жива. Девочка бежит во двор по коридору с пустыми вешалками. Сегодня она не надела плащ, чтобы не пришлось оставлять его в коридоре, ведь так кто-нибудь обязательно заметил бы, что она задержалась после уроков.

Под дубом Элен останавливается в нескольких сантиметрах от птицы. Это чайка. Ее чайка! Та, что с детства тенью следует за ней. Та, на которую она смотрит в небе, когда хочет отмыть глаза от нечитаемых фраз. Та, которую она показывает в своем театре теней на стене мастерской. Чайка существует. Она не плод ее воображения. Чайка ранена, но жива. Она смотрит на Элен, приоткрыв клюв, и дышит прерывисто, как будто не может совладать с сердцебиением. Кажется, чайка больна, а Элен вдруг понимает, что птичка бросилась на стекло, вызволяя ее из проклятой школы. А может, решила умереть одновременно с ней.

Чайка и девочка смотрят друг на друга. Элен опускается на коленки, но не решается коснуться маленького тельца, боится сделать еще хуже, но и оставить ее не может.

У Элен нет ни братьев, ни сестер. Нельзя бросать своего двойника.

В конце концов она осторожно берет чайку в ладони и опускает в большой внутренний карман блузы, поближе к сердцу.

Глава 11

Комната № 19.

Голубоглазый призрак здесь, сидит рядом с Элен. Он закрывает книгу, которую читал ей.

– Еще раз – последний – прошу прощения за то, что приняла вас за Люсьена.

– Бывает, я тоже путаю людей.

Ему не кажется странным, что я могла принять его за человека, которому, будь он жив, исполнилось бы... сто два года. Он проводит рукой по волосам – я впервые вижу этот жест, но он мне кажется привычным.

– Откуда вам известно, день сейчас на ее пляже или ночь? Мне она сегодня не сказала ни слова. Похоже, спит.

– На пляже Элен всегда белый день.

– Давно она. Ну, на.

– В отпуске? По-моему, они гуляли там с Люсьеном в 1936 году.

Он долго молча смотрит на нее, потом переводит взгляд голубых глаз на меня. Голову даю на отсечение, что море Элен в точности того же цвета, что его глаза, поэтому она никогда не вернется.

– Откуда вы знаете?

– Она много со мной разговаривает.

– Правда? И что еще вы от нее слышали?

– На пляже... отцы семейств бегают за мячиками, а матери пьют прохладительные напитки. Взрослые ребята слушают модные хиты или проматывают кассеты. Иногда она спотыкается о гальку и шепчет: «Ай, больно! Какие они сегодня горячие!» или «Черт, я наглоталась песка!». Бывает, Элен общается с окружающими – мороженщиком или женщиной, расстелившей полотенце рядом с ней. Элен спрашивает: «Вы часто сюда приходите?» Отвечают ей редко.

Призрак молчит, пока я наливаю в графин свежую воду.

– Не мы должны читать ей романы, а она нам, – говорит он.

Звучит забавно, но я не смеюсь – уж слишком впечатлили меня его голубые глаза. Обычно к такому привыкаешь, но мое смятение только усиливается.

– А. что она делает на пляже?

– Читает любовные романы, пока Люсьен с малышкой купаются.

Он в изумлении – не ждал, что я отвечу, а вопрос задавал «в никуда».

– С малышкой?

– С Розой. Вашей матерью. Ведь Роза – ваша мать?

– Да.

Я осторожно, по глоточку, помогаю Элен утолить жажду, думая: «Он наверняка считает нас обеих сумасшедшими...»

– Какие именно любовные романы?

– Те самые, которые ваша мать читает ей, когда приходит сюда.

– Вы будто зарифмованную инструкцию сейчас произнесли.

Да, он из нашего мира, где не принято верить своим глазам. Из мира идиотов, наивных простаков, оптимистов.

Глава 12

Элен толкает дверь родительской лавочки и видит в примерочной клиентку и свою мать, которая подкалывает подол, стоя на коленях.

Сидящий за кассой отец сдавленно вскрикивает при виде дочери.

Элен врет ему. Все лодыри врут. Ложь – их вторая натура, потому у них и воображение богаче. Она говорит, что другие дети завязали ей глаза и заставили глотать мелки, что она больше никогда не пойдет в школу, что все там ужасно жестокие и не нужно ее уговаривать! Элен заявляет, что будет работать в мастерской и вести себя послушно, а если отец откажет, она себя убьет.

Пусть родители посоветуются между собой. Элен прекрасно знает, что они друг другу скажут, – сумела подслушать:

«Мсье Трибу уверен, что аттестата ей не видать... Даже если останется на второй год. Не сумеет. Ни за что. Она даже время определять не умеет. В девять-то лет.»

Она поднимается по лестнице, чувствуя, как чайка трепыхается в кармане. Элен трогает тельце кончиками пальцев и чувствует, какое оно горячее. Сердце бьется спокойно. Крылья целы. Девочка вымачивает хлеб в молоке и кормит птицу. Она не видела существа красивее этой белой чайки с оранжевым клювом. Даже деревья не так прекрасны. Даже подвенечное платье. Даже графиня, которая иногда приезжает в мастерскую на красивой машине, хотя у нее потрясающие ноги и кукольное личико. Ни один пейзаж не сравнится с чайкой Элен, и она открывает окно, чтобы отпустить ее на волю.

– Ты летаешь в небесах, так попроси Бога починить мои глаза и научить меня читать. Пожалуйста!

Птица выпархивает из комнаты и летает кругами. В свете полной луны она кажется еще одной сияющей звездой.

Глава 13

Этим утром призрак ждал меня у двери комнаты № 19. Я удивилась – почти неприятно. Иногда все, что *слишком*, раздражает, даже красивое лицо и яркая голубизна глаз. Я предчувствую чертову прорву проблем с этим человеком, он способен переменить ваши привычки щелчком пальцев.

– Здравствуйте, Жюстин, уделите мне пять минут?

Я слышу за спиной хихиканье моей коллеги Жо, она не дает мне ответить, сказав:

– Я тебя подменю, Жюжю...

Жюжю. Она это сказала. Жюжю. Подлость какая! Когда мы сталкиваемся с кем-то, кто нам нравится, всегда начинаем ненавидеть тех, кого обожаем. Из-за близости, которая их связывает, а мы не хотим, чтобы связывала, особенно в неудобный момент.

– Только ненадолго, по утрам у нас каждая минута на счету.

Я покраснела. Ох, какой кошмар... я зацепилась за тележку и чуть не грохнулась. Стыдоба!

Я предложила ему пройти в комнату персонала рядом со справочным бюро, там есть кофемашинка, микроволновка, холодильник, стол и несколько стульев. Обычно мы не пускаем ни постояльцев, ни родственников в наше «гнездышко», но «он» не из их числа. С такой внешностью у него пожизненный допуск.

Мы прошли тремя коридорами, преодолели два этажа, и я пригласила его войти.

По утрам в коридорах всегда шумно. Двери комнат открыты – персонал спит туда-сюда. Бывает, наши «зависимые» подопечные бредят, ругаются или зовут на помощь. Некоторые старожилы похожи на призраков – они смотрят не в окно, а в персональную бездну.

Шарль Бодлер описал приют безумных, который становится пугающим с наступлением ночи из-за раздающихся внутри криков. В домах престарелых души впадают в тревожность по утрам.

В комнате никого не было, я вставила фильтр в кофемашину, налила воды. Он сел. Я уверенной рукой разлила кофе по кружкам с выщербленными краями.

– Сахар?

– Спасибо, нет.

Я положила себе две ложки и села напротив. Он бросил взгляд на постеры и старый календарь 2007 года, для которого пожарные снимались «ню» в благотворительных целях.

– Можете сказать, что лежит на прикроватном столике моей бабушки? Назовете по памяти все, что находится на нем и внутри?

Я закрываю глаза и начинаю:

– Фотографии Люсьена, Розы, Джанет Гейнор, графин с водой, шоколадки, которые она не ест, гортензии в хрустальной вазе.

– Кто такая Джанет Гейнор?

Я все еще сижу с закрытыми глазами, но чувствую, как его взгляд проникает сквозь мои веки. Так бывает, когда яркое солнце светит в лицо.

– Актриса, первая обладательница премии «Оскар», получила награду в 1929 году.

– А в ящике... знаете, что в ящике?

– Свернутые в трубочку листы бумаги, закрепленные резинкой для волос, наперсток, снимок Волчицы, белое перо, бумажные носовые платочки и сорокапятка⁷ Жоржа Брассенса⁸ «Башмаки Элен».

⁷ Грампластинка-сингл на 45 оборотов в минуту, в отличие от долгоиграющих на 33 $\frac{1}{3}$ оборота в минуту и патефонных на 78 оборотов в минуту.

– Запишете для меня все, что знаете о ней?

Я открыла глаза, встретилась взглядом с бесконечной синью его очей и покраснела.

– Загадайте желание.

– Зачем?

– У вас на щеке ресничка.

Я провела ладонью по левой щеке, и ресница упала на стол.

В этот момент вошла запыхавшаяся мадам Ле Камю, посмотрела на нас невидящим взглядом, ринулась к кофемашине и принялась пить мелкими глотками, приговаривая:

– Снова. Семья внизу. Хочет объяснений, а у меня их нет. Снова-здорово.

Я спрашиваю:

– Опять кому-то позвонили?

Мадам Ле Камю делает глубокий вдох, шумно выдыхает и говорит, словно бы себе самой:

– Да. Вчера вечером. В 23:00! Сказали: «Мсье Жерар скончался от легочной эмболии».

Призрак поднимает брови и молча допивает кофе. Я объясняю, что некто неизвестный звонит родственникам «забывших по воскресеньям» и сообщает о смерти близкого человека. Призрак изумляется еще сильнее, я пожимаю плечами.

Уходя, он смотрит на меня, как на волшебницу, посадившую его бабушку в ящик фокусника, и я остаюсь наедине с начальницей, разглядывающей мускулистый торс пожарного на январском листе старого календаря.

С прошлого Рождества мадам Ле Камю напоминает бегунью на финише. Она страшно недовольна, что вечно ничего не успевает, курсирует между комнатами и дирекцией, то и дело закатывая глаза, словно пытается найти ответы на важнейшие вопросы на бледных потолках с трубками дневного света. Все началось 25 декабря прошлого года. Трех семьям сообщили о смерти старейших постояльцев «Гортензий», а когда родные явились 26-го, чтобы организовать похороны, живые, как никогда, старейшины улыбались, ошарашенные неожиданным посещением.

⁸ Знаменитый французский поэт, композитор и исполнитель песен 1950–1970-х годов. Песня «Башмаки Элен» (Les Sabots d'Helène) вышла в 1954 году и дала название третьему альбому музыканта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.